
Несостоявшееся ускорение: военно-стратегический фактор в экономической политике Н.С. Хрущёва

Евгений Артёмов

Failed acceleration: military-strategic factor in Khrushchev's economic policy

Evgeniy Artemov

(Institute of History and Archaeology, Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg)

DOI: 10.31857/S0869568722040203, EDN: JBLSOU

«Хрущёвское десятилетие» — один из самых противоречивых периодов советской экономической истории. С одной стороны, впечатляют достижения в освоении ядерной энергии, развитии ракетно-космической техники, повышение уровня жизни населения. С другой — это время несбывшихся надежд. Вместо стремительного наращивания объёмов производства уже в конце 1950-х гг. обозначилось затухание темпов экономического роста. Столь же несостоятельными оказались планы устойчивого увеличения доходов граждан. Возникает вопрос: почему не оправдались эти ожидания?

В современной историографии на него даются различные ответы. Одни исследователи акцентируют внимание на ошибках руководства страны в экономической политике, неверной расстановке её приоритетов, приверженности идеологическим стереотипам, не позволившей провести назревшие преобразования. Другие говорят об ущербности самих институтов управления обществом, «врождённой» неэффективности и безответственности (*fundamental inefficiency and irresponsibility*) «социалистической системы хозяйствования», программировавших затухание темпов развития экономики по мере увеличения её масштабов. В подтверждение этому приводятся многочисленные факты¹. Думается, однако, что картина будет неполной, если не проследить взаимосвязь темпов роста советской экономики с уровнем её структурной милитаризации. Нужно отметить, что в изучении основных направлений и масштабов наращивания военно-промышленной мощи в «хрущёвское десятилетие» имеется солидный задел². Однако ясного понимания того, какую роль в несостоявшемся ускорении тех лет сыграл военно-стратегический фактор, как гонка вооружений сказалась на выполнении амбициозных планов, пока не сложилось. Это и объясняет выбор темы настоящей статьи.

© 2022 г. Е. Т. Артёмов

¹ Artemov E., Vodichev E. The economic policies of the Khrushchev decade: historiography // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 5. P. 1822–1839.

² The Soviet defense industry complex from Stalin to Khrushchev / Ed. by J. Barber, M. Harrison. Houndmills, 2000; Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М., 2006; Вооружение России. Т. 1. Советская военная мощь / Рук. авт. кол. А.В. Минаев. М., 2010; Симонов Н.С. ВПК СССР: темпы экономического роста, структура, организация производства, управление. Изд. 2, доп. и испр. М., 2015; и др.

Очевидно, что экономическая стратегия и политика нового руководства страны означала определённый отход от сталинского курса. Уже в марте 1953 г. по предложению Л.П. Берии Совет министров СССР принял решение о «прекращении или ликвидации ряда крупных объектов строительства», предусмотренных «ранее принятыми постановлениями Правительства», но не вызванных «неотложными нуждами народного хозяйства». Консервация строительства отдельных железнодорожных и автомобильных магистралей военно-стратегического назначения и гидротехнических сооружений позволяла уменьшить капитальные вложения на 3,46 млрд руб.³ (около 3% от их объёма по всем министерствам и ведомствам). В следующем месяце было принято ещё одно знаковое решение: сокращение ассигнований на закупку обычных видов вооружения на 4,6 млрд руб.⁴ (более 4% официального оборонного бюджета 1953 г.).

Поспешность этих инициатив свидетельствовала о наличии в социально-экономическом развитии серьёзных диспропорций. Они явились следствием безудержного наращивания военно-промышленной мощи. Такое вызывалось втягиванием страны в холодную войну, главной причиной которой зачастую называют экспансионистскую политику Советского Союза, его стремление к планетарному господству. На самом деле стратегические цели СССР, если говорить о первом послевоенном десятилетии, лежали в иной плоскости: обеспечении устойчивости режима, закреплении зон влияния в Европе и на Дальнем Востоке, упрочении статуса великой державы⁵. Однако бывшие союзники по антигитлеровской коалиции воспринимали их как экзистенциальную угрозу западному миру. Отсюда «политика сдерживания», провозглашённая США в конце 1940-х гг. Её главной задачей выступали «фундаментальное» изменение «в природе советской системы», «трансформация советского общества» как необходимое условие срыва «агрессивных планов» СССР. Иначе говоря, под вопрос ставилась легитимность его существования. И это определяло политический курс Соединённых Штатов на протяжении следующих 40 лет⁶.

Политика сдерживания сразу же обернулась нарастанием конфронтации между двумя сверхдержавами. С учётом данного обстоятельства и формулировались основные положения советской военной доктрины. Исследователям недоступны документы, позволяющие реконструировать её содержание во всех деталях. Но очевидно, что советские военные планы не сводились, как иногда утверждают⁷, к сугубо оборонительным задачам. Придерживаться такой стратегии означало обречь себя на поражение хотя бы в силу подавляющего военно-экономического превосходства «вероятного противника». Поэтому Вооружённые силы СССР в случае развязывания глобальной войны ориентировались на окружение и уничтожение войск соперников в ходе скоротечных наступательных операций на евроазиатских театрах военных действий⁸. Только при таком условии Советский Союз мог рассчитывать на приемлемое завершение возможного военного конфликта с США и их союзниками.

³ «Новый курс» Л.П. Берии. 1953 г. // Исторический архив. 1996. № 4. С. 140–143.

⁴ Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс... С. 25–27.

⁵ Рибер А.Дж. Послевоенные цели Сталина // Российская история. 2017. № 4. С. 134–150.

⁶ Киссинджер Г. Дипломатия / Пер. с англ. В. Верченко. М., 2019. С. 430–438.

⁷ Спицын Е.Ю. Осень патриарха. Советская держава в 1945–1953 годах. М., 2020. С. 306.

⁸ Золотарёв В.А., Путилин Б.Г. Месть за победу: Советский Союз и холодная война. М., 2014. С. 91–94.

Императивы холодной войны побудили советское руководство внести серьёзные коррективы в послевоенные планы «восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства». Ограничение затрат на поддержание военной мощи сменилось политикой опережающего наращивания оборонного потенциала. С 1947 по 1953 г. вдвое, почти до 5,4 млн человек, увеличилась численность армии, «ударными темпами» реализовывалась программа её оснащения различными видами вооружений. Соответствующую динамику отразил официальный бюджет военных ведомств. К 1953 г. он вышел на уровень последнего года Второй мировой войны. Ещё более стремительно увеличивались ассигнования на разработку боевой техники и развитие производственной базы военно-промышленных министерств, проходившие по статье «развитие народного хозяйства»⁹. Однако многомиллионная армия, оснащённая обычными видами вооружения, уже не обеспечивала должной обороноспособности. Появление у США ударных ядерных сил давало им важное преимущество. С целью предотвращения катастрофического изменения в балансе сил стартовал «атомный проект». В 1949 г. Советский Союз испытал опытный ядерный заряд, а в год смерти Сталина в арсенале насчитывалось уже 120 «изделий»¹⁰. Одновременно осуществлялась программа создания ракетных средств их доставки до возможных целей.

Появление принципиально новых видов вооружения, тем не менее, никак не сказалось на военной доктрине и строительстве Вооружённых сил. На протяжении 1945–1953 гг. основой их «могущества» по-прежнему считались «обычные виды оружия»¹¹. Для этого имелись веские основания. Ограниченное число имевшихся в наличии ядерных боезарядов и их относительно небольшая мощность не позволяли рассчитывать на нанесение сколько-нибудь значительного урона военно-экономическому потенциалу «вероятного противника». Отсутствовали и подходящие средства доставки, которые могли прорвать противовоздушную оборону стратегических объектов. Вызывала сомнение целесообразность применения ядерного оружия при проведении войсковых тактических операций. Более оправданным выглядело использование «изделий» для изоляции района боевых действий: нанесения ударов по резервам, тыловым складам и базам снабжения, узлам коммуникаций и центрам управления войсками противника¹².

Но в любом случае появление ядерного оружия означало революцию в военном деле. Стремительное увеличение мощности ядерных боезарядов и улучшение тактико-технических характеристик их носителей обещало уже в недалёком будущем заметно расширить возможности решения как стратегических, так и оперативно-тактических задач. Открывались перспективы уменьшения численности Вооружённых сил и оптимизации программ производства традиционных видов военной техники. Однако подобные варианты даже не обсуждались. Главная причина заключалась в несогласованности военно-стратегического и военно-экономического планирования. Практически отсутствовала коорди-

⁹ Маслюков Ю.Д., Глубоков Е.С. Планирование и финансирование военной промышленности СССР // Вооружение России. Т. 1. С. 118–119.

¹⁰ Харитон Ю.Б., Бриш А.А. Ядерное вооружение // Вооружение России. Т. 1. С. 199.

¹¹ Гречко А.А. Торжество ленинских идей в строительстве Вооружённых сил // Ядерный век и война. Военные обозрения / Под ред. А.А. Гречко. М., 1964. С. 5.

¹² Верхотуров Д.Н. Ядерная война. Все сценарии конца света. М., 2016. С. 90–98, 103–109, 129–136.

нация деятельности частей оборонно-промышленного комплекса. А военное командование вообще «было устранено» от разработки «вопросов применения атомного оружия»¹³. В результате наращивание военной мощи осуществлялось по двум плохо скоординированным направлениям: насыщения боевой техникой традиционных родов войск и создания ядерного оружия. Это ложилось на экономику страны дополнительной нагрузкой.

Определить уровень советских военных расходов затруднительно. Исследователям недоступны материалы, позволяющие провести обстоятельные расчёты, поэтому возможны лишь приблизительные оценки. Согласно данным «осведомлённых авторов», в послевоенные годы оборонные расходы (включая капитальные вложения военно-промышленных министерств, затраты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) оборонного профиля и поддержание мобилизационных резервов) составляли около 10% валового национального продукта¹⁴. Однако очевидно, что уровень милитаризации позднесоветской экономики со временем менялся. Не ясно также, как в приведённой оценке учитывалось финансирование ядерно-оружейного комплекса и создания ракет «дальнего действия», осуществлявшихся по трудно восстанавливаемой статье «специальные расходы». Возможно, сложности с определением их объёма, наряду с различиями в методике расчётов, объясняют более высокие оценки удельного веса оборонных расходов в советском ВВП (от 12–13 до 15–17%) зарубежными аналитическими центрами. Но в любом случае данный показатель в 2,5–3 раза превышал аналогичный в США¹⁵.

Наращивание военной мощи осуществлялось за счёт урезания расходов на все другие направления. Конечно, в первые послевоенные годы имелись несомненные успехи в восстановлении районов, пострадавших в ходе боевых действий. Было сделано немало и для наращивания потенциала базовых отраслей промышленности. Но даже они систематически недофинансировались. Несмотря на все декларации о необходимости технического перевооружения производства, позитивные сдвиги наблюдались преимущественно в «оборонке». По существу, приостановили реализацию ряда крупных хозяйственных проектов. Однако наиболее негативно гонка вооружений сказалась на населении, уровень жизни которого оставался крайне низким.

Преемники Сталина не могли игнорировать накопившиеся проблемы. Тем более что перед ними стояла задача повышения авторитета и упрочения легитимности новой власти. Легче всего добиться такого результата можно было за счёт заведомо популярных мер по улучшению материального положения «широких масс трудящихся». Разумеется, сразу возникал вопрос, где взять необходимые ресурсы. Ответ на него давали инициативы Берии по пересмотру затратных инвестиционных проектов, обещавших отдачу в неопределённом будущем, и урезание военных расходов. Оставалось объявить, как будут использованы высвободившиеся средства. Это сделал Г.М. Маленков, ставший председателем Совета министров СССР. Выступая на сессии Верховного совета в августе 1953 г., он заявил: «Неотложная задача состоит в том, чтобы в течение двух-трёх лет резко повысить обеспеченность населения продовольственными и промышленными товарами». Для этого «правительство и Центральный

¹³ Письмо Н.А. Булганина и В.А. Малышева Г.М. Маленкову. 25 сентября 1953 г. // Атомный проект СССР. Документы и материалы. Т. 2. Кн. 7. М.; Саров, 2007. С. 589.

¹⁴ Маслюков Ю.Д., Глубоков Е.С. Планирование и финансирование... С. 138–139.

¹⁵ Gaddis J.L. The Cold War: a new history. N.Y., 2005. P. 213–214.

комитет партии» считают необходимым «значительно увеличить» производство «предметов народного потребления», направив дополнительные вложения в развитие лёгкой и пищевой промышленности, сельского хозяйства, повысить доходы низкооплачиваемых категорий работников и т.д.¹⁶

Правда, позже эту речь использовали против самого Маленкова в борьбе за власть, квалифицировав как «парламентскую декларацию», рассчитанную «на снискание дешёвой популярности» за счёт выдвижения «экономически малообоснованных обещаний»¹⁷. Но всё же изложенная от имени «коллективного руководства» программа задавала ориентиры, которыми руководствовались при проведении политики. Оказался фактически заморожен бюджет Министерства обороны. Началось сокращение численности армии (сначала неофициальное, в 1955 г. о такой перспективе объявили официально). Одновременно сократили часть программ производства обычных видов вооружения и боевой техники. Если в 1950–1952 гг. их закупки выросли в 2 раза, то в 1953–1955 гг. – всего на 15%¹⁸. В результате доля военных расходов в валовом национальном продукте сократилась (по некоторым расчётам) на четверть – с 12 до 9%¹⁹.

«Неотложные» меры дали результаты сразу. Заметно возросло производство потребительских товаров, повысились доходы населения. Согласно официальной статистике выплаченной заработной платы, в 1953–1955 гг. у рабочих и служащих она увеличилась на 19%, а у колхозников – на 35%. Свою роль в повышении материального достатка сыграло снижение налогов на личные подсобные хозяйства. Дополнительные доходы активно тратились на удовлетворение отложенного спроса, что отразилось на объёме розничной торговли: в 1953–1955 гг. продажа продовольственных товаров выросла в 1,4, а промышленных – в 1,6 раза. Гораздо больше приобреталось относительно дорогих товаров длительного пользования. За 3 года продажи радиоприёмников увеличились в 2,8 раза, фотоаппаратов – в 2,3, мебели – вдвое, часов – в 1,8, велосипедов – в 1,7 раза. Это был реальный рост, поскольку цены в государственной и кооперативной торговле оставались практически неизменными, а на колхозном рынке демонстрировали сравнительно небольшое повышение (не более 10% фиксируемого товарооборота)²⁰. В общем можно сказать, что обещания, данные от имени «коллективного руководства», выполнялись вполне удовлетворительно. И дело не только в статистических показателях. Изменения к лучшему в повседневной жизни подтверждают самые разнообразные источники, в особенности документы личного происхождения, мемуарная литература. Достаточно вспомнить «ходившую» тогда «в народе» частушку: «Пришёл Маленков – поели блинков».

¹⁶ Правда. 1953. 9 августа.

¹⁷ Постановление Пленума ЦК КПСС «О тов. Маленкове Г.М.». 31 января 1955 г. // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 2. М., 2006. С. 40.

¹⁸ Оценка по данным укрупнённых межотраслевых балансов народного хозяйства СССР за 1950–1970 гг.: *Ярёменко Ю.В.* Приоритеты структурной политики и опыт реформ. Избранные труды в 3 кн. Кн. 3. М., 1999. С. 261–353. В их второй квадрант включён столбец «Прочее конечное потребление». Считается, что в нём отражены поставки армии боевой техники и вооружений (без детализации и учёта «новой техники специального назначения», т.е. ядерного оружия).

¹⁹ *Быстрова И.В.* Советский военный потенциал периода «холодной войны» в американских оценках // Отечественная история. 2004. № 2. С. 138.

²⁰ Подсчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 41, д. 113, л. 63, 174–175, 178–179.

Позитивные сдвиги наметились и в макроэкономической динамике, что демонстрируют как официальная статистика, так и альтернативные расчёты. Пожалуй, наиболее близки к реальности оценки ЦРУ США, выполненные на закате «советской эпохи». Согласно им, ежегодный прирост валового национального продукта в 1953–1955 гг. составлял 5,9%. Это заметно превышало аналогичный показатель за два предыдущих года – 3,5%. Высокие темпы роста удавалось поддерживать до конца десятилетия²¹. Дополнительные капиталовложения в производство потребительских товаров быстро окупались благодаря относительно небольшим срокам освоения. Это, помимо прочего, позволило заметно снизить прирост незавершённого строительства, что способствовало оздоровлению денежного обращения и уменьшению напряжённости в исполнении государственного бюджета.

Тем не менее простое перераспределение ресурсов могло дать лишь кратковременный эффект. Да и сдерживание военных расходов имело пределы. Правда, чтобы обеспечить передышку в международных делах, послесталинское руководство пошло на снижение уровня противостояния с США и их союзниками. Уже в июле 1953 г. было заключено перемирие в корейской войне. В апреле следующего года Советский Союз принял участие в Женевской конференции по Индокитаю, позволившей Франции уменьшить издержки, связанные с выходом из вьетнамской войны. В мае 1955 г. бывшие союзники по антигитлеровской коалиции подписали договор об окончании оккупации Австрии и её нейтральном статусе (раньше это увязывалось СССР с решением «германского вопроса»). Ещё одна уступка западным оппонентам – ликвидация военных баз в Порккала-Удд (Финляндия) и в Порт-Артуре (Китай).

Пожалуй, пиком «оттепели» в отношениях западного и советского блоков можно назвать состоявшуюся в Женеве в июле 1955 г. встречу руководителей СССР, США, Великобритании и Франции. Многие наблюдатели тогда даже заговорили о некоем «духе Женевы», обещавшем радикально разрядить международную обстановку. Но это была иллюзия, ведь оппонентам не удалось договориться ни по одному ключевому вопросу²². Да этого не стоило и ожидать, поскольку США и их союзники не собирались отказываться от политики сдерживания, а Советский Союз – жертвовать жизненными интересами. Поэтому поддержание на должном уровне военной мощи сохраняло актуальность. Необходимой предпосылкой являлся выход на устойчиво высокие темпы экономического роста. Тогда появлялись дополнительные ресурсы и для решения другой важной задачи: дополнения военно-промышленной направленности советской экономики потребительски-ориентированной составляющей, дальнейшего улучшения материальных условий жизни населения.

Так вырисовывалась стратегия экономического развития, которую справедливо связывают с именем Н.С. Хрущёва – первого секретаря ЦК КПСС. В окончательном виде она оформилась после утверждения его единоличного лидерства в партии (1957). Предполагались массивное наращивание производственных капиталовложений и скачкообразное повышение на этой основе технического уровня всех отраслей народного хозяйства; оптимизация военных расходов и направление сэкономленных средств на цели долгосрочного

²¹ Подсчитано по: *Кудров В.М.* Советский экономический рост: официальные данные и альтернативные оценки // Вопросы экономики. 1996. № 10. С. 105–106.

²² *Фурсенко А.А., Нафтали Т.* «Холодная война» Хрущёва. Тайная история противника Америки / Пер. с англ. О.Р. Шёлоковой, В.Т. Веденеевой. М., 2018. С. 32–59.

развития; «совершенствование» организации и управления экономикой. Осуществление намеченного началось с «совнархозовской» реформы, суть которой заключалась в замене отраслевых органов управления промышленностью и строительством на территориальные. Декларировалось, что это позволит избавиться от «пут» предельной «централизации и регламентации» как главного препятствия «в деле разумного ведения хозяйства», снимет проблему ускорения научно-технического прогресса²³.

В научных исследованиях отмечается, что в принципе децентрализация руководства промышленностью назрела. Ликвидация ведомственных барьеров действительно позволяла более рационально организовать взаимодействие предприятий различной отраслевой принадлежности, науки и производства. Но упразднение министерств при сохранении базовых принципов «социалистического хозяйствования» и либерализации режима неизбежно вели к ослаблению управленческой вертикали. Отсюда – снижение исполнительской дисциплины, отказ от сложившихся производственных связей, трудности с проведением отраслевой технической политики и т.д. Очевидные изъяны территориальной системы управления пытались «поправить» путём ситуативного создания всё новых центральных органов хозяйственного руководства (Госэкономсовет, ВСНХ СССР и т.д.), отраслевых госкомитетов, являвшихся аналогами прежних министерств (правда, с усечёнными функциями)²⁴. По существу, спустя два-три года после реформы, обозначился процесс рецентрализации управления экономикой. Но принимавшиеся меры носили хаотичный характер и лишь отчасти оправдывали ожидания.

Определённым исключением выступал военно-промышленный комплекс, о чём в историографии говорится весьма скупое. Относящиеся к нему министерства сразу преобразовали в госкомитеты, на которые возложили отраслевое планирование, руководство НИОКР, внедрение в производство новых образцов вооружения. Сами же оборонные предприятия перешли в ведение совнархозов. Только за Комитетом по среднему машиностроению (правопреемник Министерства среднего машиностроения СССР) оставили руководство всей атомной отраслью. Для координации действий госкомитетов, совнархозов и Министерства обороны в декабре 1957 г. при президиуме Совета министров СССР организовали Комиссию по военно-промышленным вопросам. Проблемы стратегического значения она выносила на обсуждение созданного ещё в 1955 г. Совета обороны СССР – высшей инстанции по решению вопросов «обороны страны и строительства Вооружённых сил». При этом совете с 1958 г. действовал Военно-технический комитет по атомному, водородному и ракетному оружию. На него возлагалось «рассмотрение» планов разработки, серийного выпуска и оснащения армии ядерными «изделиями» и средствами их доставки. Комитет, как и Совет обороны, возглавлял Хрущёв²⁵. В результате

²³ Записка Н.С. Хрущёва «Некоторые соображения об улучшении руководства промышленностью и строительством» 27 января 1957 г. // Президиум ЦК КПСС... Т. 2. С. 522–539.

²⁴ *Веденев Ю.А.* Организационные реформы государственного управления промышленностью СССР. Историко-правовое исследование (1957–1987 гг.). М., 1990; *Мерцалов В.И.* Реформа хозяйственного управления 1957–1965 гг.: предпосылки, ход, итоги (на материалах Восточной Сибири). Иркутск, 2000; *Демичев Е.В.* Реформа управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. в контексте специфики отечественной истории. Изд. 2, перераб. и доп. М., 2011.

²⁵ Президиум ЦК КПСС... Т. 2. С. 40–43, 47–48; Задача особой государственной важности. Из истории создания ракетно-ядерного оружия и ракетных войск стратегического назначения

вопросы оборонной политики, развития ВПК вошли в сферу его исключительной компетенции.

Выстроенная таким образом управленческая вертикаль обеспечила централизацию военно-стратегического и военно-экономического планирования. Но это способствовало и обособлению ВПК, поддержанию его привилегированного положения в экономике страны. В основе развития оборонной промышленности находилось представление о том, что решающую роль в случае развязывания глобальной войны будет играть ядерное оружие. Как следствие, ключевая роль отводилась ракетным войскам стратегического назначения, созданным в декабре 1959 г. Традиционные же виды и рода войск подлежали сокращению. Уже к 1960 г. численность Вооружённых сил уменьшилась по сравнению с 1953 г. почти на 1,8 млн человек. Одновременно ограничили поставки обычных видов вооружения, стабилизировали бюджет Министерства обороны (в 1960 г. он оказался даже несколько меньше, чем в 1955 г.). Казалось, что в результате ограничения военных расходов проблему поиска дополнительных средств для стимулирования общеэкономического роста удалось успешно решить.

Такие представления легли в основу народнохозяйственного планирования. Уже семилетний план на 1959–1965 гг. предусматривал огромный рост капитальных вложений. Причём ускоренное наращивание производственных мощностей намечалось осуществлять с учётом последних научно-технических достижений. За счёт этого рассчитывали радикально увеличить производительность труда, снизить материалоёмкость производства, повысить фондоотдачу и т.д. Другими словами, ставилась задача перевода советской экономики на «интенсивный путь развития». Её выполнению отводилась ключевая роль в строительстве коммунистического общества.

Семилетка рассматривалась как составная часть программы создания материально-технической базы коммунизма. Для её детализации запустили подготовку Генеральной перспективы развития народного хозяйства СССР на 1961–1980 гг., главная задача которой заключалась в обосновании реальности построения коммунистического общества. Под это «подгонялись» все плановые показатели. Появлялись такие фантастические цифры, как увеличение за 20 лет национального дохода в 5 раз, промышленного производства — в 6, реальных доходов на душу населения — в 3,5, обеспеченности жильём — в 3 раза и т.д. Многие представители руководства страны хорошо понимали невыполнимость таких планов, поэтому Генеральную перспективу в качестве директивного документа не утвердили. Но по настоянию Хрущёва её основные показатели вошли в новую программу партии, принятую XXII съездом КПСС²⁶.

Непродуманность этого решения стала очевидна буквально на следующий день. Реальность оказалась даже хуже, чем простое невыполнение планов. Вместо ускорения на рубеже 1950–1960-х гг. произошло замедление экономического развития, что зафиксировали практически сразу. По данным Института экономики АН СССР, подготовленным к октябрьскому (1964) пленуму ЦК

(1945–1959). Сборник документов / Сост. В.И. Ивкин, Г.А. Сухина. М., 2010. С. 597–599, 650–652.

²⁶ Баканов С.А., Фокин А.А. «А при коммунизме всё будет...»: государственное планирование уровня жизни советского человека к 1980 г. // Новейшая история России. Т. 9. 2019. № 2. С. 420–436; Артёмов Е.Т., Водичев Е.Г. По сталинским лекалам: экономическая стратегия коммунистического строительства в программных установках хрущёвского руководства // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 4. Ч. 2. С. 332–333.

КПСС, за восемь лет (с 1956 по 1963 г.) среднегодовой прирост общественного продукта упал более чем в два раза²⁷. Дальнейшие исследования лишь подтвердили наличие этой тенденции. По данным ЦРУ, среднегодовой прирост ВВП СССР сократился с 5,6% за 1956–1960 гг. до 2% в 1961–1963 гг.²⁸ Правда, если говорить о первой половине 1960-х гг. в целом, то картина не выглядела столь мрачно. За счёт сглаживания последствий катастрофического неурожая 1962 г. ежегодный прирост ВВП оценивался в 4,9%. Но это всё равно меньше, чем в предшествующей пятилетке. Похожую динамику рисуют и другие расчёты. Так, согласно Г.И. Ханину, среднегодовой прирост национального дохода (ВВП минус амортизация и непроектные услуги) составил в 1961–1965 гг. 4,4% в сравнении с 7,2% за 1951–1960 гг.²⁹

Объяснения замедлению темпов экономического роста даются разные. Есть мнение, уходящее корнями в советскую историографическую традицию, что причины – «волюнтаризм» Хрущёва и «низкий уровень... компетентности правящей элиты». Поэтому реформы ничего принципиально не меняли в командной модели экономического развития, которая уже к началу 1950-х гг. исчерпала свои возможности и не могла обеспечить устойчивого роста³⁰. Другие считают, что дело заключалось в «фундаментальных дефектах» экономической системы, неспособности её институтов воспринимать новые реалии: «вопрос стоял лишь в том, когда и как она рухнет». Это предопределило падение эффективности производства и стало главной причиной «резкого снижения» темпов развития³¹. Но даже если это и так, то первопричиной следует считать замедление роста основных производственных фондов, т.е. инвестиционной активности – «движущей силы» советской экономики. Правда, по расчётам Ханина, если в 1951–1960 гг. их среднегодовой прирост составлял 5,4%, то в 1961–1965 гг. снизился всего до 4,2%. Такое уменьшение не выглядит катастрофическим, тем более что, по его оценкам, вложения в инвестиционное машиностроение шли по нарастающей³². Поэтому замедление темпов роста производства он связывает не столько с недостатком производственных мощностей, сколько с падением эффективности их использования из-за снижения качества хозяйственного руководства³³.

Однако фиксируемый прирост капиталовложений выглядел благополучно лишь «на бумаге». В реальности он достигался за счёт вложений в оборонную промышленность (прежде всего в достаточно узкий сегмент, связанный с производством ракетно-ядерного оружия) и специфики их статистического учёта. Так, затраты на наращивание мощностей по добыче ураносодержащего сырья, производству ядерной взрывчатки и т.д. переносились на машиностроительный комплекс. На данный момент не представляется возможным

²⁷ Доклад Президиума ЦК КПСС на октябрьском пленуме ЦК КПСС (вариант) // Никита Хрущёв. 1964. Стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие документы. М., 2007. С. 185–186.

²⁸ Рассчитано по: *Кудров В.М.* Советский экономический рост... С. 105, 106.

²⁹ *Ханин Г.И.* Экономический рост и альтернативная оценка // *Коммунист.* 1988. № 17. С. 85.

³⁰ *Шестаков В.А.* Социально-экономическое развитие СССР в период хрущёвской оттепели // *XX век в российской истории: проблемы, поиски, решения.* Вып. 1. М., 2010. С. 245–251.

³¹ *Ослунд А.* Строительство капитализма. Рыночная трансформация стран бывшего советского блока / Пер. с англ. Н.А. Ранневой, А.Ю. Молоканова. М., 2007. С. 78–79; *Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. Изд. 2, испр. и доп. М., 2007. С. 19.

³² *Ханин Г.И.* Динамика экономического развития СССР. Новосибирск, 1991. С. 176, 193.

³³ *Ханин Г.И.* Экономическая история России в новейшее время. Т. 1. Новосибирск, 2008. С. 172–174.

подсчитать, сколько сюда направлялось средств. Тем не менее известно, что в середине 1950-х гг. атомная отрасль (не считая предприятий-«смежников», формально находившихся в ведении других министерств) поглощала около 4% всех государственных капиталовложений³⁴. И, судя по динамике развития ядерно-оружейного комплекса, в годы семилетки эта цифра оказалась заметно превзойдена. Косвенное тому подтверждение – шестикратное увеличение количества боезарядов в ядерном арсенале (с 1 тыс. до 6 тыс. единиц)³⁵. Такой рост потребовал огромных вложений в добычу и обогащение ураносодержащего сырья, создания новых мощностей по производству «ядерной взрывчатки» (оружейного урана, плутония, дейтерида лития, трития), серийному выпуску «изделий» и развитию материально-технической базы их разработки (все они относились к машиностроительному комплексу).

Определённое представление о масштабах осуществлённых затрат даёт строительство Ангарского электролизного химического комбината. Это огромный комплекс производств по обогащению урана расчётной стоимостью 5 млрд руб. (в ценах 1952 г.). В реальности же к середине 1960-х гг. средств на его возведение выделили заметно больше. По словам Хрущёва, посетившего комбинат в начале его строительства, масштабы работ произвели на него «ошеломляющее» впечатление. Для завершения строительства комбината и создания ещё «одного или двух таких же заводов» необходимо мобилизовать все «наши силы и наши материальные возможности»³⁶. При использовавшейся тогда технологии обогащения предприятию требовался гигантский объём электроэнергии. Поэтому за ним сразу зарезервировали половину мощностей Иркутской ГЭС, а затем – для повышения устойчивости электроснабжения – построили крупнейшую в регионе ТЭЦ-10. Но только с вводом в строй Братской ГЭС и ЛЭП-500 (строительство которых специально форсировали) комбинат получил должную базу³⁷. На момент пуска в 1963 г. его установленная мощность использовала 4% производимой в СССР электроэнергии³⁸. К этому времени первенец разделительного производства – Уральский электрохимический комбинат – потреблял уже более 3% таковой³⁹. Если к ним добавить Красноярский (Зеленогорский) электрохимический завод (его первая очередь введена в эксплуатацию в 1962 г.) и Сибирский химический комбинат (введён в строй в середине 1950-х гг.), то предприятия по обогащению урана поглощали не менее 10% общего объёма электроэнергии страны. Другой пример – создание НИИ-1011, второго научно-исследовательского и опытно-конструкторского ядерно-оружейного центра (сегодня Российский федеральный ядерный центр – ВНИИ технической физики, г. Снежинск). Он строился в те же годы, что и Новосибирский Академгородок с его 14 институтами,

³⁴ *Артёмов Е.Т.* Слагаемые успеха советского атомного проекта // Вестник Российской академии наук. Т. 90. 2020. № 9. С. 879–880.

³⁵ *Харитон Ю.Б., Бриш А.А.* Ядерное вооружение. С. 199.

³⁶ «Одним словом, картина неприглядная». В Президиум ЦК КПСС. О поездке по Дальнему Востоку и Сахалину. 2 ноября 1954 г. // Источник. Документы русской истории. 2003. № 6. С. 26.

³⁷ Письмо В.А. Малышева, Б.Л. Ванникова и Е.П. Славского Г.М. Маленкову о строительстве новых и расширении мощностей действующих диффузионных заводов. 30 декабря 1953 г. // Атомный проект СССР. Документы и материалы. Т. 2. Кн. 5. М.; Саров, 2003. С. 803–805; Ядерная индустрия России. М., 1999. С. 576–579; Оружие и технологии России. Энциклопедия. XXI век. Т. 14. Ядерный оружейный комплекс. М., 2007. С. 334–335.

³⁸ *Шопен В.П.* Комбинат № 820 // Наука из первых рук. 2007. № 5. С. 29.

³⁹ *Артёмов Е.Т., Бедель А.Э.* Укрощение урана. Екатеринбург, 1999. С. 72, 81.

университетом, опытным заводом и жильём на 30 тыс. человек, и затраты на возведение объектов этих центров были вполне сопоставимы.

Ещё более впечатляющая картина наблюдалась в развитии ракетно-космической отрасли. По сути, в годы семилетки завершили создание её основных предприятий и организаций. Это потребовало огромных капиталовложений, которые, по всей видимости, сравнялись с объёмом средств, выделявшихся атомной промышленности. В результате по состоянию на начало 1965 г. разработкой техники занимались уже 65 научно-исследовательских институтов и опытно-конструкторских организаций, в которых работало свыше 100 тыс. человек. Численность персонала головных предприятий превысила 350 тыс. человек. Они располагали 4,8 млн кв. метров производственных площадей, а одного только металлорежущего оборудования использовали более 50 тыс. единиц⁴⁰.

Особое внимание уделялось расширению возможностей наращивания стратегических ядерных сил. Благодаря вводу в строй новых конструкторско-производственных мощностей удалось наладить крупносерийный выпуск восьми ракетных комплексов стационарного базирования первого и второго поколений. Одновременно приступили к разработке и испытаниям межконтинентальных баллистических ракет третьего поколения, средств противоракетной обороны⁴¹. Таких масштабов наращивания стратегических ядерных сил не наблюдалось с тех пор вплоть до окончания «советской эпохи». А поскольку расходы не лимитировались и осуществлялись «независимо от степени обеспечения других нужд народного хозяйства», это привело к их взрывному росту. По оценкам американских аналитиков, в первой половине 1960-х гг. ежегодное увеличение составляло 7,6%⁴². В результате оборонная нагрузка на экономику вернулась к уровню начала 1950-х гг. со всеми вытекающими последствиями.

Втягивание страны в новый виток гонки вооружений не сопровождалось заявлениями о пересмотре официального курса на ограничение и оптимизацию военных расходов. Оно стало результатом ситуативных решений, принимавшихся «в связи со вновь открывшимися обстоятельствами». Хрущёв заявлял о достаточности имеющейся оборонной промышленности, необходимости «смелее идти на развитие производства средств потребления»⁴³ и т.п. Но на практике следовали прямо противоположные решения, предусматривавшие наращивание вложений в разработку и производство всё новых систем вооружения. Соответствующие программы готовились «в недрах» Военно-промышленной комиссии и Совета обороны с привлечением «заинтересованных лиц»: генеральных и главных конструкторов, руководителей головных оборонных предприятий, представителей командования Вооружённых сил. Противостоять такой неформальной коалиции было трудно, поэтому соответствующие предложения фактически без детальной перепроверки оформлялись в виде постановлений ЦК КПСС и Совета министров СССР.

⁴⁰ Симонов Н.С. ВПК СССР: темпы экономического роста... С. 332–333.

⁴¹ См.: Оружие и технологии России. Энциклопедия. XXI век. Т. 1. Стратегические ядерные силы. М., 2000. С. 48–81.

⁴² Быстрова И.В. Советский военный потенциал... С. 139.

⁴³ «Мы находимся на рубеже или славы или позора». Замечания тов. Хрущёва к записке о проекте основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1966–1970 гг. 22 сентября 1964 г. // Источник. 2003. № 6. С. 184.

Правда, когда Хрущёва снимали со всех постов, на него возложили вину за утрату контроля над деятельностью ВПК. По заявлениям А.Н. Косыгина и Н.В. Подгорного, члены Президиума ЦК не имели представления, что «там делается». «Не знал» и сам Хрущёв, «монополизировавший» решение «военных вопросов»⁴⁴. Думается, однако, что за такими заявлениями крылось желание уйти от ответственности. Дело в том, что решения о запуске новых программ вооружения и соответствующего расширения материально-технической базы их производства мотивировались необходимостью укрепления военно-стратегической безопасности. Учитывая «единодушное» стремление высшего руководства страны радикально упрочить позиции Советского Союза на международной арене, оспаривать их никто не осмеливался.

К этому добавлялось не критическое восприятие успехов предшествующих лет, оборачивавшееся пренебрежением последствиями реализации всё новых и новых оборонных программ для экономического развития страны. Конечно, Хрущёв мог их блокировать. Это распространялось даже на оснащение Вооружённых сил ядерным оружием. В качестве примера можно назвать приостановку программы создания ядерных артиллерийских боеприпасов⁴⁵. Но подобные спонтанные решения не могли переломить тенденцию к стремительному наращиванию ядерной мощи. Они лишь способствовали росту недовольства военных, и так с большим трудом мирившихся с планами Хрущёва по реформированию армии. Более того, с подачи армейских кругов в начале 1960-х гг. фактически оказалась реанимирована идея строительства Вооружённых сил, способных победить в любом конфликте с использованием обычных видов оружия⁴⁶. Эту установку зафиксировали в военной доктрине⁴⁷. Так у командования и руководителей ВПК появилась дополнительная возможность настаивать на массивном наращивании мощи традиционных родов войск, что привело к возобновлению роста поставок обычных вооружений. В годы семилетки они, по данным межотраслевого баланса, увеличились в 1,7 раза, несмотря на продолжавшееся сокращение численности Вооружённых сил⁴⁸.

Сам Хрущёв в общем осознавал, что рост вложений в «оборонку» выходит из-под контроля. Выступая на заседании Президиума ЦК КПСС в мае 1962 г., он заявил: «Для обороны мы лишнего дали», и потребовал от Ф.Р. Козлова, А.Н. Косыгина и Р.Я. Малиновского «реально пересчитать» и «сократить» расходы в последние годы семилетки, а высвободившиеся средства направить на другие нужды⁴⁹. Однако приоритеты не изменились. Это негативно отражалось на развитии других отраслей экономики, их техническом перевооружении. Из-за недостатка средств пришлось «передвигать вправо» выполнение ряда инвестиционных программ и хозяйственных проектов, увеличился объём незавершённого строительства. По данным председателя Госплана СССР П.Ф. Лома-

⁴⁴ Рабочая протокольная запись заседания Президиума ЦК КПСС. 13–14 октября 1964 г. // Никита Хрущёв. 1964... С. 225.

⁴⁵ Литвинов Б.В. Грани прошедшего (триптих). М., 2006. С. 333–338.

⁴⁶ Кокошин А.А. Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль. 1918–1991 годы. М., 1995. С. 149–151.

⁴⁷ Военная стратегия / Под ред. В.Д. Соколовского. М., 1960.

⁴⁸ Оценка по: Ярёмко Ю.В. Приоритеты структурной политики... Кн. 3. С. 261–353.

⁴⁹ Стенографическая запись заседания Президиума ЦК КПСС по вопросу «О корректировках заданий контрольных цифр развития народного хозяйства СССР на оставшийся период семилетки (1963–1965 гг.)». 31 мая 1962 г. // Президиум ЦК КПСС... Т. 1. М., 2004. С. 560.

ко, его ожидаемый рост к концу 1963 г. по сравнению с 1958 г. составил 53%, в то время как объём капиталовложений — 42%⁵⁰.

Растущее «омертвление» средств разбалансировало кредитно-финансовую систему и денежное обращение. Чтобы «поправить положение», пришлось пойти на снижение дотаций сельскому хозяйству, разовое повышение почти на треть розничных цен на продукцию животноводства (1962), «ползучее» снижение норм выработки при расчёте заработной платы и т.п. Так что в накладе в первую очередь оказалось население, что ожидаемо обернулось ростом социальной напряжённости. Такова оказалась цена за выход на военно-стратегический паритет с США (правда, официально его зафиксировали лишь в 1972 г. с подписанием документов об ограничении стратегических вооружений и систем противоракетной обороны).

Экономические итоги «хрущёвского десятилетия» подвели в октябре 1964 г. на заседании Президиума и пленуме ЦК КПСС. Они оказались неутешительными. Новое руководство «единодушно» констатировало, что «экономика по ряду важнейших направлений резко ухудшила свои показатели», за восемь лет произошло «небывалое в истории её развития снижение темпов прироста». Ответственность за это возложили на отстранённого лидера, чьи «некомпетентность», «зазнайство», «нетерпимость», «поспешность», «непартийные методы работы» и т.п. привели «к ряду крупных ошибок» в осуществлении «генеральной линии партии» и стали главной причиной переживаемых трудностей⁵¹. В действительности же дело заключалось в самой «генеральной линии». Её изъяны обернулись рассогласованием целей и возможностей экономического развития, безусловной доминантой военно-стратегического фактора, нежеланием «поступаться принципами» при проведении назревших преобразований. Так что смещение Хрущёва в долгосрочном плане не изменило ничего. После непродолжительной стабилизации, вызванной в том числе очередным временным ограничением военных расходов, с начала 1970-х гг. советская экономика вошла в полосу наращивания затрат на ВПК. Это снова вызвало прогрессирующее снижение темпов экономического роста, завершившееся спустя два десятилетия крахом системы.

⁵⁰ Замечание т. Н.С. Хрущёва и членов Президиума ЦК КПСС при обсуждении на заседании Президиума ЦК. Сообщение председателя Госплана СССР т. Ломако о проекте плана развития народного хозяйства СССР на 1964–1965 гг. // Президиум ЦК КПСС... Т. 1. С. 764.

⁵¹ Никита Хрущёв. 1964... С. 185–186, 217–231, 239–252, 255–267.